

Trockij, V.N. (ed.) 1872. *Perechen' sobytij na Syr-Dar'inskoj linii, so vremeni eja uchrezhdenija po 1860 godu* [List of events on the Syr-Darya line, from the time of its establishment until 1860]. In: *Russkij Turkestan [Russian Turkestan]*. St. Petersburg: Printing house of the Public Benefit Partnership. Issue. 3.

Zhansugurov, I. 2001. *Zhetisu*. Almaty: Cennye bumagi.

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 20.02.2023

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами: 20.04.2023

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 01.06.2023

UDC/ЭОЖ/УДК 94"16/18"; 94(574)
ICSTI/FTAMP/MPHTI 03.09.31; 03.20.00

The petition of a Qazaq official, Turdybek Syrطانov: an introduction to the Qazaq life strategies in the tsarist colonial era

Xavier HALLEZ

PhD, Researcher, French Institute for Central Asian Studies, Bishkek, Kyrgyzstan.

E-mail: xavier.hallez@ehess.fr

https://orcid.org/0009-0009-1502-1617

Keywords: Qazaqs; Russian empire; colonial policy; Naiman; Matai-Qaptağai; Turdybek Syrطانov

Тірек сөздер: Қазақтар; Ресей империясы; отаршылдық саясат; найман; матай-қаптағай; Тұрдыбек Сырطانов

Ключевые слова: Казахи; Российская империя; колониальная политика; найман; матай-каптагай; Турдыбек Сыртанов

On example of the biography of Turdybek (Turlybek) Syrطانov (1860–1906), an interpreter and translator under the Semirechye regional administration, the article deals with the formation of a new Qazaq social group of officials in the service of the Russian colonial apparatus. The establishment of the Russian colonial regime in Qazaq Zhetysu (Semirechye) and the administrative integration of Qazaq territories into the Russian Empire had transformed Qazaq political and social institutions so that Qazaq elites had to rethink their political functions. The representatives of the former Qazaq nobility could now occupy only lower elected positions in the new administrative units, managing *volosts* and *auls*. At the level of regions and districts there were no Qazaqs. In such circumstances, the position of *volostnoy upravitel'* (*volost* ruler) allowing certain lineages to enrich themselves, became the main source of power, among the Qazaqs. To gain and retain this power for themselves and their offspring, the *volost* rulers used financial resources, trade, and personal connections with the colonial administration. The biography of Turdybek Syrطانov demonstrates a different way of adaptation to the new colonial context. In the Matay-Qaptağay (Arasan) Volost of the Kapal District of the Semirechye Region, the leading role belonged to the *qydyrali* lineage of the *matay-qaptağay* clan of the *nayman* tribe of the Middle Zhuz. The representatives of this lineage dominated in the area and monopolized the elective position of *volostnoy upravitel'*. The *qulshan* lineage of the same *matay-qaptağay* clan retained only the functions of *biys* in their own *administrative aul*. The head of the Qulshans, Syrطانov Bokin (1837?–1916) sent his two eldest sons, Turdybek and Barlybek (1866–1914), to a Russian school in Kapal and then to a gymnasium in Verry. The article examines the motives encouraging the Qazaqs to send their children to Russian schools and making them enter the public service. The main document analyzed in the article is the petition of Turdybek Syrطانov dated May 18, 1902, which is preserved in the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. The document shows the Qazaqs' perception of their own world and its representation for the Russian administration. At the end of the article, the document commented by the author is reproduced in full.

For citation: Hallez Xavier. 2023. The petition of a Qazaq official, Turdybek Syrطانov: an introduction to the Qazaq life strategies in the tsarist colonial era. *Qazaq Historical Review*, 1 (2), 230–246 (in Russian).

Қазақ шенеунігі Тұрдыбек Сыртановтың сұрауы: патшаның отаршылдық дәуірі кезіндегі қазақтардың өмірлік жолына кіріспе

Гзавье Аллез

*PhD, аға ғылыми қызметкер, Орталық Азияны зерттеу француз институты, Бішкек,
Қырғыз Республикасы*

Мақалада Жетісу облыстық басқарма аудармашысы Тұрдыбек (Тұрлыбек) Сыртановтың (1860–1906) өмірі мен шығармашылығын мысалға ала отырып, Ресей империясының отаршылдық аппаратына қызмет ететін шенеуніктердің жаңа қазақ әлеуметтік тобының қалыптасу тарихы қарастырылады. Қазақтың Жетісуында (Семиречье) орыс отаршылдық режимінің орнауы, қазақ территорияларының Ресей империясының құрамына әкімшілік интеграциясы қазақтың саяси-әлеуметтік институттарын өзгертіп, қазақ элитасын өздерінің саяси функцияларын қайта қарауға мәжбүр етті. Жаңа әкімшілік бірліктерде бұрынғы қазақ атқамінерлерінің өкілдері болыстар мен ауылдарды басқару үшін төменгі сайланбалы қызметтерді ғана атқара алатын, облыстар мен уездер деңгейінде қазақтар болған жоқ. Осы жағдайларға байланысты болыстық басқарушы лауазымы қазақтар арасында негізгі билік көзіне айналды, бұл белгілі бір рулардың (ру ішіндегі топтардың) баюына мүмкіндік берді. Осы билікті өздеріне және ұрпақтарына иелену және сақтап қалу үшін болыс билеушілері қаржы ресурстарын, сауда-саттықты және отарлық әкімшілікпен жеке байланыстарды пайдаланды. Тұрдыбек Сыртановтың өмірбаяны қазақтардың жаңа отаршылдық жағдайға бейімделуінің тағы бір жолын көрсетеді. Жетісу облысы Қапал уезіндегі Матай-Қаптағай (Арасан) болысында Орта жүздің Найман руының Матай-Қаптағай тұқымының Қыдыралы руы жетекші рөл атқарды, бұл буын өкілдері үстемдікке ие болып, болыс басқарушысының сайланбалы қызметін монополиялады және олардың төбелері болды. Матай-Қаптағай тұқымының Құлшан руы өздерінің әкімшілік ауылындағы билердің қызметін ғана сақтап қалды. Құлшандардың басшысы Сырттан Бокин (1837?–1916) өзінің үлкен екі ұлы Тұрдыбек пен Барлыбекті (1866–1914) Қапалдағы орыс мектебіне, кейін Верныйдағы гимназияға береді. Мақалада қазақтардың балаларын орыс мектебіне беріп, мемлекеттік қызметке түсуіне итермелейтін уәждер қарастырылған. Негізгі құжат – Тұрдыбек Сыртановтың 1902 жылғы 18 мамырдағы Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік архивінде сақтаулы тұрған петициясы. Оның талдауы қазақтардың өз дүниесін қабылдауын және оны Ресей әкімшілігіне ұсынуын бейнелейді. Мақала соңында автор түсініктеме берген құжат толығымен көрсетілді. **Сілтеме жасау үшін:** Аллез Г. Қазақ шенеунігі Тұрдыбек Сыртановтың сұрауы: патшаның отаршылдық дәуірі кезіндегі қазақтардың өмірлік жолына кіріспе. *Qazaq Historical Review*. 2023. № 1 (2). 230–246-бб. (орысша).

Прошение казахского чиновника Турдыбека Сыртанова: введение в жизненный путь казахов в царскую колониальную эпоху

Гзавье Аллез

*PhD, старший научный сотрудник, Французский институт исследований Центральной
Азии, Бишкек, Кыргызская Республика*

В статье рассматривается история формирования новой казахской социальной группы чиновников на службе колониального аппарата Российской империи на примере жизни и деятельности Турдыбека (Турлыбека) Сыртанова (1860–1906), переводчика при Семиреченском областном правлении. Установление российского колониального режима в казахском Жетысу (Семиречье), административная интеграция казахских территорий в состав Российской империи трансформируют казахские политические и социальные институты, вынуждают казахские элиты переосмысливать свои политические функции. В новых административных единицах представители прежней казахской знати могли занимать только низшие выборные должности для управления волостями и аулами, на уровне областей и уездов казахов не было. В силу этих обстоятельств должность волостного управителя стала главным источником власти у казахов, позволявшая обогащаться определенным линейджам (внутриродовым группам). В стремлении занять и сохранить эту власть за собой и своим потомством волостные управители использовали финансовые ресурсы, торговлю, личные связи с колониальной администрацией. Биография Турдыбека Сыртанова показывает другой путь адаптации казахов в новом колониальном контексте. В Матай-Каптагайской (Арасанской) волости Капальского уезда Семиреченской области главенствующая роль принадлежала линии кыдыралы линейджа матай-каптагай рода найман Среднего жуза, представители этой линии стали доминирующей и смогли монополизировать выборную должность волостного управителя. Линия кулшан из этого же линейджа сохранила за собой только функции биев в собственном административном ауле. Глава кулшанов Сырттан Бокин (1837?–1916), отправил двух своих старших

сыновей Турдыбека и Барлыбека (1866–1914) в русскую школу в Капале и затем в гимназию в Верном. В статье исследуются мотивы, побуждающие казахов отдавать своих детей в русские школы, поступать на государственную службу. Основным документом является прошение Турдыбека Сыртанова от 18 мая 1902 года, которое сохранилось в ЦГА РК. Его анализ показывает восприятие казахами собственного мира и его репрезентацию для российской администрации. В конце статьи полностью воспроизводится комментированный автором документ.

Для цитирования: Аллез Г. Прошение казахского чиновника Турдыбека Сыртанова: введение в жизненный путь казахов в царскую колониальную эпоху. *Qazaq Historical Review*. 2023. № 1 (2). С. 230–246.

Введение

Данная статья является результатом исследований природы казахской политической жизни и ее эволюции в царском колониальном режиме, российском революционном движении и в условиях советизации. Ранее я исследовал эту тему с точки зрения развития национальной политической силы и дискурса [Hallez 2014: 275–342], а также в контексте вовлечения казахов в революцию [Hallez 2015: 705–752]. Позже мною рассматривалась эволюция форм протеста и сопротивления казахов со времен войны под руководством Кенесары Касымова против российской власти до восстаний против советской политики в 1929–1931 годах [Hallez, Ohayon 2019: 256–288]. Также я исследовал жизнь казахов Семиречья (Жетысу) на микроисторическом уровне, изучал местные выборы среди казахов и обнаружил социальные, культурные и политические процессы, которые предлагают новое понимание природы казахского общества [Hallez 2022: 21–44].

В этой публикации будут более конкретно изучаться мотивы казахов для поступления на государственную службу при царском режиме, а также влияние этой карьеры на их статус в казахском обществе и на их личную жизнь. В основу исследования положено дело Турдыбека Сыртанова, переводчика администрации Семиреченского края на рубеже XIX–XX веков. Создание Семиреченской администрации, как и в других областях Казахской степи, сопровождалось сотрудничеством колониальных чиновников с новыми казахскими выборными представителями. Эта новая социальная прослойка казахских чиновников формировалась из числа казахов, получивших образование в школах, постепенно открывавшихся в степи. Некоторые казахи смогли продолжить учебу в учебных заведениях России. В основном казахские чиновники работали переводчиками в администрации областей и уездов: служили посредниками между российской администрацией и нерусскоязычными избранными представителями, в более широком смысле между казахским и русским мирами [Султангалиева 2014; Campbell 2017; Abdrakhim 2020]. Областная администрация нанимала одного или двух переводчиков в зависимости от периода, в каждом уезде были устные и письменные переводчики: оба могли быть казахами, но во многих случаях письменный переводчик был казахом, а устный переводчик – русским. Если к концу XIX века большинство переводчиков не имело чинов, то уже к 1905 году подавляющая их часть занимала нижние ступени чиновничьего ранга. Они строили свою личную жизнь и карьеру в царской администрации на областных или уездных уровнях.

Целью настоящего исследования является исторический комментарий к документу, написанному Турдыбеком Сыртановым. Представленный документ является типовым прошением, адресованным представителю царской администрации от казахского чиновника. Запрос касается назначения пенсии по возрасту. Подобные документы часто встречаются в архивных фондах в конце XIX века и в начале XX века. Содержание таких писем показывает восприятие казахами своего мира и его репрезентацию для российской администрации, для которой такой дискурс создавался. Данное прошение, машинописный подлинник с подписью-автографом автора, хранится в фонде Семиреченского областного правления в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК). Специальное дело, посвященное этому прошению, содержит несколько документов, охватывающих период с февраля 1902 по апрель 1904 года. Письмо Турдыбека (или Турлыбека) Сыртанова от 18 мая 1902 года, которое он сам написал, владея русским языком, представляет большой

интерес из-за его содержания и его автора. Документ полностью он воспроизведен в приложении №1 к статье.

Методы и материалы

Работа Джеймса Скотта раскрывает категории «публичного» и «скрытого» дискурса в ситуации доминирования, что особенно актуально для подхода к изучаемым источникам [Scott 1990]. Последние в основном составляют архивные фонды Семиреченского областного правления по вопросам местных выборов, т.е. документы царской администрации (положения, указы, итоги выборов, отчеты, переписка и допросы), а также письма и жалобы от казахов. Эти документы показывают классическое противоречие между российской властью и казахским населением с одной стороны и противостояние между различными казахскими группами с другой. Источники включают казахские и российские публикации царской эпохи, произведения казахского ораторского искусства второй половины XIX – начала XX веков, а также более поздние публикации генеалогического характера, представляющие биографический материал и дополнительную родословную.

Установление колониального режима в Семиречье и его последствия для казахского общества

Казахская историческая область Жетысу (рус.: *Семиречье*), расположенная в юго-восточной части Казахстана, издавна была приграничной зоной и соприкасалась не только с народами и государствами Центральной Азии, но и соседствовала с китайской империей Цин. В 1820–1860-е годы сюда пришла армия Российской империи. Ханы различных казахских родов региона подписали в 1819–1847 годах договоры о подданстве российской власти, по условиям которых впоследствии они теряли свой титул. Царские власти стремились объединить родовые элиты, полагаясь на их политическую организацию для контроля над регионом. Социально-политическая структура казахов основана на сложной генеалогической системе имеющей несколько уровней: роды (большие группы, мобилизуемые в определенные моменты и символизирующие единство компонентов рода – *ру*); линейдж (политические, социальные и экономические единицы – *ру*); и линии (семейные группы – *жеті ата, тек* или *зулет*). Линейджи разбиваются на несколько единиц разного размера в зависимости от ситуации.

Установленный колониальный режим трансформирует казахские политические и социальные институты, вынуждает казахские элиты переосмысливать свои политические функции. Административная интеграция казахских территорий в состав Российской империи основывалась на двух положениях, устанавливавших колониальный режим: Положение об инородцах, принятое в 1822 году, создавало новое сословие «инородцев», в котором числились казахи. Они облагались налогами, но им предоставлялось освобождение от военной службы и относительное сохранение собственной местной администрации. Мелкие правонарушения и споры между «инородцами» регулировались в рамках казахского обычного права, которое действовало параллельно с имперским правом. Второе положение о Туркестанском генерал-губернаторстве, изданное в 1867 году. Административное деление построено по имперскому образцу с использованием особой терминологии для отдельных единиц: административный аул, волость, уезд и область. Семиреченская область, вошедшая в новое Туркестанское генерал-губернаторство, состояла из шести уездов: Верненского, Капальского, Лепсинского, Пишпекского, Пржевальского и Джаркентского, основанного в 1882 году [Қойгелдиев 2004].

В большинстве случаев разграничение волостей происходит по распределению линейджов. Тем не менее, эти волости постоянно перестраиваются путем добавления административных аулов, деления или воссоединения волостей: изменений, которые являются результатом демографического роста, а также борьбы за влияние внутри определенных

линейджов или между несколькими линейджами, представленными в волости. Более или менее расширенный линейдж сохранял на протяжении всего периода свою функцию политического единства, что проявлялось во всех сферах социальной и экономической жизни.

Представительство казахов ограничивалось двумя нижними уровнями административного деления: административным аулом и волостью. Если до реформы 1867 года казахские султаны (потомки ханов) могли избираться или назначаться для управления специальными округами, то после ее введения комиссия, ответственная за подготовку регламента управления казахскими степями, решила, что далее власть над кочевым населением не может оставаться за казахами. По этой причине казахского представительства не было на уровне уездов и областей.

В волостях выборная система была введена постановлением 1867 года. Выборы касались трех должностей с мандатом на три года: волостного управителя (волостной по-казахски: *болыс*), бия или народного судьи с судебной властью и старшины, заведующего административным аулом. Казахская политическая организация претерпела трансформацию: бии, ранее бравшие на себя политическое руководство родами и линейджами, по новому уставу ограничились судебными функциями. Политическая функция передавалась волостным управителям и частично старшинам. Все они непосредственно подчинялись уездному начальнику, русскому чиновнику назначаемому генерал-губернатором. Также были упразднены две центральные казахские фигуры: титул *хана* или *султана*, чье положение над родами давало им объединяющую функцию, и звание *батыра* [Темирғалиев 2009] – больше не имело официального существования при колониальном режиме, который освобождал казахов от любой военной службы. *Батыры* были преобразованы в *барымташы*: барымта – это форма регулирования общественных отношений, которая ассоциируется у российской власти с кражей скота или преступностью [Martin 1997: 249–270; Усейнова 2007].

Должность волостного управителя, которая стала главным источником власти у казахов, позволяла обогащаться определенным линиям. Дальнейшее удержание власти все больше зависело от финансовых ресурсов. Волостные управители, избранные в 1840–1870-е годы, являлись батырами, а зачастую были еще и биями своего линейджа. Постепенно эта должность закрепилась за линией, обогатившийся благодаря торговле и личным связям с царской администрацией.

Введение выборных функций способствовало появлению новых фигур в политической власти, созданию новых практик. Вместе с тем, старые режимы политики сохранились в изменившихся условиях, смогли взаимодействовать с новыми институтами. Ранее власть опиралась на легитимность, зафиксированную в *шежире*, и на применение силы, зачастую через *барымту*. Как показывает постоянное упоминание барымты в архивах, эта практика социального регулирования между линейджами сохраняла свою функцию и переносилась на отношения между волостями: барымташы являлись важными помощниками *болыс*, и последние вербовали их в других линейджах если это было необходимо. Некоторые *болыс* или члены их линий сами были барымташы, являясь продолжением фигуры батыра. Бекболат Ашекеев (1848–1916), волостной управитель Джайильмышевской волости, был известен и уважаем как барымташы и получил звание батыра во время восстания 1916 года. Применение силы было также очевидно внутри самих волостей во время выборов и как осуществление власти. Криминализация барымты российскими властями и амбивалентность казахов в ее переоценке являются примером артикуляции «публичного» и «скрытого» дискурса, который проявляется и в отношении роли и функций *болыс*.

Структура власти внутри родов и линейджов сложна и не ограничивалась установленными функциями (бий/батыр, затем *болыс*/старшина/бий). Она не сводилась к простому уважению к старшим – *аксакалам*. Влияние одного управителя и его линии основано на месте его

линейджа в *шежире* и на выполняемых функциях и действиях, которых создали престиж и честь различных членов линии. Казахи наделяли моральным и политическим авторитетом аскаалов, отказавшихся от всех своих функций, а также отдельных деятелей, которые имели авторитет благодаря своему богатству, *шежире* и моральному престижу. Впоследствии российская администрация вмешивалась в политический баланс между линейджами: те, кто находились у власти, получали личную выгоду, но также являлись гарантами интересов своего линейжда и, в более широком смысле, линейджов своей волости.

Турдыбек Сыртанов – найман Копальского уезда из линейжда Матай

Турдыбек Сыртанов (1860–1906) принадлежал к влиятельной и престижной семье из Семиречья. Он являлся старшим братом Барлыбека Сыртанова (1866–1914), известного деятеля казахской интеллигенции начала XX века. Если биография Барлыбека Сыртанова хорошо изучена [Өзбекұлы 1996], то жизнь его брата Турдыбека во многом неизвестна. Большинство эпизодов его жизни отражены в архивных документах администрации Семиреченской области, в которой он работал с 1884 по 1906 годы («Формулярный список о службе переводчика туземных языков при Семиреченском областном правлении, коллежского регистратора Турдыбек Сыртанов (1905)» [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 55420. Л. 1–7]).

Турдыбек и Барлыбек принадлежат к линейджу матай-каптагай рода найман Среднего жуза. В Матай-Каптагайской волости Копальского уезда (северо-восточная часть Семиречья), которая впоследствии стала Арасанской волостью, их линейдж был разделен на две группы «потомков» братьев – Кыдыралы и Кулшан. Первая происходила от Кыдырали би (1736/37–1807) и стала доминирующей среди матай-каптагай [Мұхатова 2015: 207–210]. Группа кулшан, к которой принадлежал Турдыбек Сыртанов, сумела сохранить определенное влияние, но до начала XX века и должна была бороться, чтобы сохранить свои пастбища. Со второй половины XIX века Сырттан Бокин (1837?–1916), отец Турдыбека и Барлыбека, главенствовал над кулшанами. Архивы отражают борьбу за влияние между этими двумя линейджами, которая развивалась в рамках царской колонизации. Этому соревнованию представителей двух линий посвящено стихотворение Джамбула Джабаева «Сырттанға» [Жабаев 1982: 33; Джабаев 1981]. Линейдж Кыдыралы через линии Танеке-батыра (1791–1868, хорунжий Матай-Каптагайской волости с 1857 по 1867 годы) и затем его племянника Мамана Калкабаева (1810–1901, волостной управитель с 1874 по 1876 годы) сумел монополизировать центральную функцию волостного управителя почти на весь период с 1850-х годов до революции 1917 года, сохранив при этом свой привилегированный статус. Линейджу Кулшан пришлось довольствоваться функциями биев в собственном административном ауле. Ни одному из представителей их линии не удалось занять более важную выборную должность. Интересно отметить, что Сырттан ни разу не претендовал на эти выборные должности. Как описано в некоторых документах, Сырттан, как и до него Танеке, был признан батыром своим народом. Этот титул был необходим для сохранения влияния Сырттана:

Все волостные управители и народ их [Сырттан и его сыновья] подчинныя, потому все из боязни их смеют называть Сыртана Бокина по имени а называют батыром [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 8609. Л. 1об.]. Так пишут противники Сыртана в 1903 году.

В этой борьбе за власть, ему представился другой вариант: дать русское образование двум своим сыновьям. Таким образом, если разбогатевшие потомки Мамана, волостные управители, обеспечили себе прочное положение во главе волости, став частью российских колониальных властей, то карьера Турдыбека и Барлыбека на посту чиновников в областной администрации Семиречья обеспечила Сырттану ценную поддержку. Джамбул выражает это в своем объяснении стихотворения, посвященного Сырттану, в советской идеологической форме, сохранив при этом реальную суть данного поступка:

Сырттан в надежде избавиться от унижений из-за бедности, от язвительных насмешек богачей, привез двух своих детей Барлыбека и Турлыбека на учебу в Верный, этот стих написан по этому поводу

Сырттан кедейліктің қорлығынан, байлардың көз түрткісінен құтылам ба деп екі баласы Барлыбек пен Тұрлыбекті Верныйдағы оқуға әкелген екен, бұл өлең осыған орай айтылған [Жабаев 1982: 309].

Речь идет как о личной карьере его сыновей, так и о положении интеллигенции и чиновников, усиливавших влияние линии Сырттана и линейджа кулшан в Арансанской волости.

Выбор, сделанный Сыртаном Бокиным, отправить двух своих сыновей на учебу в русскую школу в Копал, а затем в Верненскую гимназию, может быть истолкован как попытка обеспечить благоприятное положение для его семейной линии в новом колониальном контексте. Мамановы стали очень богатыми во второй половине XIX века и были очень близки к российской администрации, но никто из них не учился в новых русских учреждениях [Кудайбергенов 2004]. Если Турдыбек и Барлыбек стали чиновниками в областной администрации, то два младших брата, Керимбек (1862–1915) и Молдахан (1870–1919),¹ были избраны биями административного аула линейджа кулшан (Керимбек с 1898 по 1904 годы и Молдахан с 1904 по 1915 годы).

Турдыбек Сыртанов подчеркивает прямой контакт своего отца с Колпаковским, так как это был один из привилегированных способов отношений между российской администрацией и казахской элитой. Уверенность царской власти в лояльности и заслугах казахов пришла благодаря личным рекомендациям. Герасим Колпаковский, первый губернатор Семиреченской области с 1867 по 1882 годы, сыграл решающую роль в создании царской администрации и в развитии отношений между казахским народом и российской властью.² Это хорошо заметно в тексте. Колпаковский поддерживал тесные контакты с казахской элитой Семиречья и встретился с Сырттаном Бокиным в 1873 году. Он призвал казахов брать в пример российскую модель и считал, что обучение детей казахских политических деятелей в русских школах является наиболее эффективным решением. В 1876 году он основал Верненскую гимназию и открыл ее для казахов [Абдрахим 2023: 123].

Пользуясь своими связями с Колпаковским, Сырттан смог записать двух сыновей в школу города Копала:

В октябре 1874 г. киргиз Арасанская волости Сыртан Бокин привел в уездном управлении двух детей 11-ти и 9-ти летних мальчиков и просил принять их в училище с условием, чтобы от него не требовали ничего за учебу, и содержание, а также чтобы при них находилась их мать, его старшая жена. Дети были приняты и размещены в юрту, данной Сыртаном [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 372. Л. 12].

При поддержке Колпаковского оба брата продолжили обучение в Верненской гимназии в 1877 году и были ее первыми казахскими учениками. Их отец снова настаивал на том, чтобы все расходы были покрыты администрацией. Его требование было принято из-за того,

¹ В семье были еще один брат Кенжехан (1872–1917) и одна сестра Батима (1868–1934).

² Герасим Алексеевич Колпаковский (1819–1896) поступил в шестнадцать лет на службу вольноопределяющимся в Модлинский пехотный полк. Затем следуют боевые командировки в Чечню, Молдавию, Валахию и Венгрию. В 1852 году Колпаковский назначается адъютантом командующего отдельным Сибирским корпусом генерала Гасфорта. В 1858 году Колпаковский был назначен исправляющим должность начальника Алатавского округа и приставом киргизов Большой орды и переезжает в укрепление Верное. В 1864 году он стал генерал-губернатором Семипалатинской области и командующим ее войсками, затем военным губернатором Семиреченской области с ее образованием в 1867 году. Он организовал и руководил военными действиями в Кульджинском походе в 1871 году. Он также командовал экспедиционным отрядом, занявшим Кокандское ханство, и объявил о присоединении его к Российской империи под названием Ферганской области в 1876 году. В 1882 году, по образовании Степного генерал-губернаторства, он был назначен первым Степным генерал-губернатором. В 1889 году Колпаковский переехал в Санкт-Петербург и стал членом Военного совета Российской империи.

что многие влиятельные казахи отказывались отправлять своих детей в российские учреждения. Они опасались, что дети потеряют свою казахскую идентичность или заболеют. По этой же причине, впоследствии Турдыбек решил бросить учебу, поскольку его состояние здоровья и другой «образ жизни» сказывались на нем.

Он тогда искал возможность стать государственным служащим и снова обратился к Колпаковскому с просьбой быть принятым на работу в областную администрацию. Его просьба частично увенчалась успехом. Карьера Турдыбека фактически началась сразу же после того, как он покинул Верненскую гимназию в декабре 1884 года; его наняли переводчиком к начальнику Сергиопольского уезда (будущего Лепсинского). Очень быстро он завоевал доверие начальства и в 1885 году был назначен в Верненскую военно-судную комиссию. Через три года он поступил на работу в областную администрацию Семиречья и занимал престижную должность письменного переводчика до своей отставки в 1905 году, за исключением периода 1888–1893 годов, когда он работал в российском консульстве в Чугучаке.

В прошении, представленном ниже, Турдыбек обосновал свою просьбу тем, что безупречно служил в администрации, а также якобы имел статус представителя рода найман. Он совмещал служебные функции и свою роль в казахском обществе, чтобы объяснить разные стороны своей деятельности и доказать важность своей работы. Так как его отец, его предки и он сам являлись, по его словам, лидерами рода найман, он присутствовал на коронации царя в 1896 году. Таким образом, Турдыбек стремился позиционировать себя как верного и неизбежного посредника между царской властью и найманами. Он был выбран представителями найманов Копальского и Лепсинского уездов российскими властями, что еще раз демонстрирует доверие к нему русских чиновников Семиречья. Упоминание этого аргумента свидетельствует об учете царской администрацией родовой структуры казахов, несмотря на официальное желание избавиться от нее.

На самом деле, Турдыбек пользовался определенными полномочиями в царской администрации, которая поставила перед ним задачу разрешать конфликты между казахами в разных волостях Верненского уезда в 1895 году и в собственной волости в 1896 и в 1903 году. Конфликты в Арасанской волости показывают роль казахских чиновников как в защите своих близких, так и в расстановке сил внутри волости. В 1885 году он приехал работать в Верный, а его отец был сослан в тот же уезд в 1883 году за убийство, кражу и барымту. Уже в 1887 году просьба его отца о возвращении из ссылки в Арасанскую волость была удовлетворена [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 8609. Л. 49]. С этого момента в уездную администрацию снова начали поступать многочисленные жалобы на Сырттана, осуждающие его барымтаческую деятельность и насилие, совершаемое им и его джигитами. Жалобы и рапорты русского начальника уезда были написаны и на представителей линии Танеке, где также говорили о барымте и применении насилия. В 1896 году Турдыбек приехал урегулировать конфликт между линейджами дюсет и кулшан [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2173. Л. 20]. Линейдж дюсет происходит от Дюсета, отца Танеке и Калкабая (отца Мамана), возросшее влияние потомков Дюсета возвело эту линию в ранг линейджа. В 1903 году Турдыбеку было поручено расследовать разногласия между группами кулшан и кыдырали [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 8609].³ Это дело касалось его отца Сырттана, а также его младших сыновей Керимбека и Молдахана, братьев Турдыбека [Семиреченские областные ведомости 1903]. В их адрес высказывались те же обвинения, что и раньше; в жалобах также указывалось на соучастие двух братьев Сыртановых в рамках их функций в царской администрации. Этот пункт спровоцировал судебные разбирательства против лагеря кыдырали, а точнее против Мамановых, приближенных к начальнику уезда. В результате волостной управитель Худайберген Маманов (1871–1949, выбранный с 1898 по 1903 годы) был отстранен от должности, и вскоре

³ Это дело содержит документы, относящиеся к этому конфликту 1903 года.

после этого Керимбек Сыртанов был привлечен к ответственности за проведение барымты, впоследствии его отстранили от должности бия. На следующих выборах дядя Худайбергена, Сейитбаттал Маманов (1863–1913, волостной правитель в 1895–1897 и в 1904–1910 годы) был выбран волостным управителем, а брат Турдыбека, Молдахан, на должность бия того же аула №10. Таким-то образом сохранился *статус-кво* в волости. Этот момент демонстрирует влияние казахских переводчиков на местную общественную жизнь, т.к. они пользовались доверием у начальника уезда и губернатора области. Так Турдыбеку удалось уравновесить огромное влияние Мамановых. Ещё в 1909 году противники группы кулшан доносили на Сырттана и Барлыбека Сыртанова за неправильные выборы бия в административном ауле №10:

Может быть их заявление заслужило у вас уважения в виду того, что сын Сырттана Барлыбек получил высшее образование и прослужил в Семиреченском областном правлении чиновником [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3103. Л. 16].

Условия жизни казахского чиновника

В письме рассказывается о трудностях казахских чиновников, возникающих в течение всей их карьеры, и об одном менее известном аспекте: о непрочном статусе многих государственных служащих, которые не пользовались ни гарантией работы, ни равными правами на пенсию. Ему пришлось ждать более 8 лет и написать несколько прошений, прежде чем стать штатным чиновником. Должностей было мало и они были востребованы. Как только стало известно о его отставке, несколько казахских чиновников попросили заменить его в администрации Семиреченской области: один – переводчик Джаркентского уезда Сатылган Сабатаев, другой – губернский секретарь в отставке Асыл-Ходжи Курманбаев [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2173. Л. 8, 16]. Его положение вызывало особую зависть среди казахских чиновников.

Выбор работать для администрации обычно означал отсутствие собственного хозяйства. Таким образом, казахские чиновники оставались зависимыми от своей семейной линии и родовой группы. Положение Турдыбека было еще сложнее из-за того, что у него было только три дочери, единственный сын родился в 1905 году.⁴ Широко распространенная коррупция в администрации Семиреченской области обогатила некоторых чиновников и создала свою специфику во взаимоотношениях. Однако Турдыбек и Барлыбек Сыртановы были известны своей честностью,⁵ поэтому жалование и пенсия по старости были для них особенно важны. Если его зарплата 800 рублей в год была достаточной, то пенсия была маленькой. Тема бедности или малых средств к существованию не только советский дискурс, но она циркулировала уже в царский период. Линия Сырттана на самом деле не особо обогатилась, как показано в переписи 1882 года [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 342. Л. 9–10]. И наоборот, потомки Мамана были одними из самых богатых в Копальском уезде. Эта тема затронута в письмах Турдыбека, а также присутствует в письмах других казахских чиновни-

⁴ Юртовладелец, глава семейного хозяйства, мог быть только мужчиной. Его дети были: Шахерзада (1888), Биби-Нур (1896), Биби-Руфия (1900) и Ибрамбек (1905). Был женат на Алтын, дочери Сасанбая Бурамбаева.

⁵ «В 1897 или 1898 г. на выборах в Копальском уезде уездный начальник Петров приказал доставить молоденьких девочек-киргизок, приказание было исполнено; одна из девочек не выдержала мучений и умерла, другая после долгой болезни выздоровела. Циничное и хвастливое письмо Петрова по этому поводу к одному приятелю в Верном, благодаря покойному Турдыбеку Сыртанову, получило широкую огласку и, насколько помнится, было следствием, но стараниями чиновника особых поручений Пантусова дело было замято. Народ стал понимать, какие люди находятся во главе уездов и какие люди сидят в уездных управлениях; каждый вновь приезжий бедный переводчик-киргиз через год становился уже богачом, имел табуны лошадей, красивые юрты и т.д.; немудрено, что для киргизских учеников гимназии быть переводчиком стало заветной мечтой; единственное счастливое исключение составляли покойные братья Сырттановы в Верном, за что они пользовались заслуженным уважением как у народа, так и у областной администрации». См.: Его Высокопревосходительству господину Туркестанскому генерал-губернатору от Мухамеджана Тунушпаева (1916 г.) [Тынышбаев 2001: 38].

ков. Асыл-Ходжи Курманбаев просил назначить его на должность Турдыбека, поскольку его пенсия не позволяла ему обеспечивать нужды своей семьи.

В первом письме, датированном февралем 1902 года, Турдыбек представил свои основные аргументы на более высокую пенсию, но в более краткой форме, чем в следующем (Прошение Турдыбека Сыртанова. 26.02.1902 [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1804. Л. 3–4]). Его просьба была отклонена в апреле того же года на строгой основе закона. Его призыв к имперской милости в мае был также безуспешным. Тем не менее в июне 1903 года он был повышен до титула коллежского регистратора.⁶ Турдыбек повторил свою просьбу в 1905 году, когда вышел на пенсию по состоянию здоровья. Затем он воспользовался поддержкой Семиреченского военного губернатора Михаила Ионова для переоценки его пенсии с 114 рублей 30 копеек до 285 рублей 90 копеек в год. Причиной поддержки Ионова стал его послужной список и личные связи. Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора отказала, опираясь в этом вопросе на законодательную базу. Спустя несколько месяцев из-за давления со стороны Семиреченской областной администрации, канцелярия наконец объявила о принятии повышения пенсии до 214 рублей 50 копеек.

Проболев некоторое время (что отражено в нескольких его больничных листах) Турдыбек умер в начале 1906 года (Послужной список о службе Турдыбека Сыртанова. 7.04.1904 [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1804. Л. 29–34]).

В период обучения молодых казахов в российских учреждениях нередко были проблемы со здоровьем: жизнь в интернатах и учеба в России и даже в городах Туркестана имела пагубные последствия для их здоровья, как это произошло с Турдыбеком, которому пришлось прервать учебу в отличие от своего брата Барлыбека. Последний, тем не менее, умер менее чем через 10 лет после своего старшего брата. Турдыбек не был единичным примером, и подобные ситуации встречаются в биографиях многих казахских государственных служащих – городская среда кардинальным образом меняла привычный образ жизни казахов-кочевников.

Приложение № 1. Прошение переводчика туземных наречий при Семиреченском областном правлении, не имеющий чина Турдыбека Сыртанова Его Первосходительству Господину Военному Губернатору Семиреченской области⁷

18 мая 1902 г.
Верный

Вскоре по водворении русского владычества и окончательном устройстве порядка управления в Приилийском крае, бывший Губернатор Колпаковский, следуя предначертаниям устава о сибирских киргизах и озабочиваясь привлечением на государственную службу лиц из туземного населения, объявил последнему о неотложной необходимости обучать молодое киргизское поколение в русских учебных заведениях.⁸

Первыми откликнулись на этот призыв киргизы старейшего из киргиз-кайсацких родов – рода Наймана, добровольно отдававшегося в подданство Русского Царя, что видно из имеющей ныне в областном правлении грамоты, дарованной 13 мая 1824 года Его Императорским

⁶ Низший гражданский чин 14-го класса в табели о рангах.

⁷ Михаил Ефремович Ионов (1846–1919?), генерал от инфантерии, служил всю жизнь в Центральной Азии. Он участвовал в различных военных походах (в Бухару в 1867–68, Хиву в 1873, Коканд в 1875, на Памир в 1891) и получал разные назначения. С 1899 года и до своей отставки в 1907 году состоял губернатором Семиреченской области.

⁸ «§249. Каждый киргиз имеет право сына своего поместить в учебные заведения, внутри империи находящиеся, на общих правилах; §250. В заведении школ, кроме назначенных при духовенстве, не только не делать киргизам воспрещения, но, напротив, содействовать всеми средствами» – «Устав о Сибирских киргизах» (1822) [Левшин 1996 [1832]: 420].

Величеством Александром I.⁹ Отцу моему Сыртану Бокину, как потомку рода Найман, в коем родоначальником был мои деды и прадеды,¹⁰ бывшими Военным Губернатором Генералом Колпаковским и Уездным Начальником Полковником Рейнталем,¹¹ лично знавшими отца моего, был дань совет обучать своих детей, дабы сделать из них ревностных и верных слуг Белого Царю и через это укрепить окончательно в роде Найман веру Престолу и Отечеству, последствием чего было то, что я и брать мой были помещены сперва для обучения русской грамоте в гор. Копал, куда по совету упомянутого выше Рейнталя, для нас была доставлена юрта моим отцом, а затем мы были помещены во вновь устроенный Копальский киргизский пансион, а оттуда определены Генералом Колпаковским, лично в Копале экзаменовавшим нас, первыми воспитанниками из киргиз в Верненскую мужзкую гимназию.¹²

С[анкт]-Петербургского Императорского Университета, где брать мой окончил курс по 2-м факультетам – Восточных и Юридическом, – я же не мог перенести сидящего образа жизнь в стенах пансиона и проboleв два года, по слабости здоровья и по совету врачей должен был выйти из пятого класса гимназии, вполне довольный полученным мною свидетельством, давшим мне право поступить на действительную государственную службу и получить первый классный чин без экзамена.¹³

Получив 27 ноября 1884 года свидетельство из гимназии я 7 декабря того же года подал Господину Военному Губернатору просьбу об определении меня переводчиком в одно из Уездных Управлений;¹⁴ по предписанию последнего от 20 того же Декабря за №22940, был определен в Управление Сергиопольского (ныне Лепсинского) Уездного начальника для письменных занятий и исполнения обязанностей переводчика, а с 5 июня 1885 года по распоряжению начальства переведен в должность переводчика при Верненской Военно-судной комиссии,

⁹ Грамота касается добровольного присоединения «Султанам Большой киргиз-кайсацкой орды, сыновьям умершего султана Адила» [АВПРИ. Ф. Главного архива Азиатского департамента МИД 1–10. Д. 1. ЛЛ. 2301-2303; Киреев и др. 1964: 123]. Но это не относится к линейджу матай рода найманов. Турдыбек старается показать в своем прошении, что его линейдж и семейная линия уже давно и добровольно приняли российское подданство. В самом деле, матайские султаны сопротивлялись и признали создание Матаевской волости только в 1839 году.

¹⁰ О деде (Боки) и прадеде (Батыркул) Турдыбека не сохранилось никаких сведений в российских архивах и в казахской литературе. Но его предок Борибай-батыр (1694–1756/60), отец Кыдыралы и Кулжана, был во главе линейджа матай рода найман, и его подвиги описаны в устной литературе. Слова Турдыбека скорее всего относятся к нему.

¹¹ Павел Яковлевич Рейнталь (1840–1882) – образование получил в Сибирском кадетском корпусе и в Михайловской военной артиллерийской академии (1863), как его старший брат Владимир Яковлевич Рейнталь, приближенный к генералу Алексею Николаевичу Куропаткину (военный министр и Туркестанский генерал-губернатор). Он был старшим чиновником особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области в 1870–1871 годах, затем начальником Копальского уезда Семиреченской области в 1874–1876 годах. Рейнталь выполнял несколько миссий в Кашгаре и встречался с Якуб-беком в 1868 и 1872 годах.

¹² В 1876 году было шесть казахских учеников: Джексенбы Дингилбаев, Кусайын Джангазинов, Даулет Мамбетов, Шымбай Кенжебаев, Турдыбек Сыртанов и Барлыбек Сыртанов. Джексенбы Дингилбаев не закончил из-за болезни.

¹³ Статья 88: «На основании прав, дарованных в разное время как Университетам и другим высшим, так Гимназиям и равным с ними средним учебным заведениям, все совершившие в оных с успехом полный курс учения и получившие соответствующая познаниям их учения степени, или же надлежащие о сем успешном окончании курса наук аттестаты, при поступлении их в действительную гражданскую службу утверждаются в том классном чине, на который им дают право их учения степень, звание, или аттестат заведения, в коем они обучались» и статья 97: «Воспитанники Гимназии, окончившие полный курс учения по тому отделению Гимназии, в котором они готовятся для поступления в Университет, и удостоенные при выпуске похвальных аттестатов, определяются в гражданскую службу с чином четырнадцатого класса» – «Устав о службе по определению от правительства» [Свод законов 1857: 23, 25].

¹⁴ Статья 133, примечание 2: «Губернатором представляется, если от молодых людей дворянского происхождения или имеющих по учебным аттестатам право на классные чины от четырнадцатого до десятого класса включительно, поступят просьбы об определении их на службу, а вакансий не будет, определяют их, если пожелают, без жалованья впредь до открытия вакансии, для занятий в какое либо подчиненное надзору губернатора административное место в губернии; нахождение сих дворян для занятий в присутственных местах не должно почитаться действительною службою и не может приносить никаких прав оной, кроме преимущественного пред прочими определения на открывающиеся вакансии, если будут признаны способными и достойными, а также не зачисляется оно в число, узаконенной выслуги по присутственным местам в губерниях прежде которой не дозволено определять в министерства» [Устав о службе 1910: 460].

в этой должности оставался до 4 июля 1888, отправляя в одно и тоже время, с 1-го марта 1888 года, обязанности переводчика Областного Правления, куда по оставлении мною службы в Военно-Судной Коммисии был переведен на службу с 4-го июля 1888 года и оставался в этом Правлении до 17 мая 1890 года, когда был переведен на службу в Императорское Российское Консульство в Чугучаке,¹⁵ в коем пребывал по день отдачи приказа г. Военного Губернатора Семиреченской области от 11-мая 1893 года за №137.

Все эти должности были не штатные и я считался служащим по вольному найму, не желая терять времени на выслугу первого чина и пенсии я неоднократно обращался с просьбами по Начальству о зачислении меня на государственную службу канцелярским служителем,¹⁶ с прикомандированием к Семиреченскому Областному Правлению и с откомандированием в распоряжение того учреждения, где я в то время нес службу. Как видно из представляемой у сего справки первое мое прошение о принятии на государственную службу было подано г. Директору Верненской Мужской гимназии¹⁷ 7 декабря 1884 года и, не смотря на принятое им ходатайство пред Областним Начальством о предоставлении мне прав государственной службы, я лишь был, как сказано выше, определен по вольному найму в канцелярию Сергиопольского Уездного Управления. Начальник последнего уезда, в рапорте от 26 февраля 1885 года за №1711, подтвердил ходатайство г. Директора Верненской Мужской гимназии, но рапорт этот с наложенной на нем резолюцией г. Помощника Военного Губернатора Семиреченской области¹⁸ «исполнить» оказался почему то приобщенным к делу без исполнения и ответа. Второе прошение об определении на государственную службу было подано мною 30 июня 1885 года Господину Степному Генерал Губернатору и, будучи препровождено Его Высокопревосходительством г. Военному Губернатору Семиреченской области для распоряжения о принятии меня на государственную службу, не получило так же уважения. Та же участь постигла ходатайства, возбуждения по тому же предмету Семиреченским Губернским Воинским Начальником в представлении от 2 сентября 1885 за №7043 и Императорским Российским Консулом в Чугучаке¹⁹ в письме от 25 марта 1890 за №40 и лично мною в третьем прошении моем от 12 октября 1892 года. Все перечисленные ходатайства и мои просьбы не получили удовлетворения по отсутствию, как мне объяснялось, вакансий на штатные должности, ходатайство же мое о зачислении меня на государственную службу канцелярским служителем увенчалось успехом только в 1893 году, когда приказом г. Военного Губернатора от 11 мая за №137 я был прикомандирован для письменных занятий к Сергиопольскому Уездному Управлению, а с введением в области Степного положения был в 1893 году с 1 октября назначен на занимаемую должность.

¹⁵ Первые российские консульства в Китае были открыты в Кульдже и в Чугучаке в 1851 году, чтобы поддержать торговые отношения между Россией и Китаем.

¹⁶ Государственные служащие подразделялись на две основные группы. Первую группу составляли табельные чиновники 14 классов. Вторая группа состояла из низших служащих, не имеющих чина.

¹⁷ Драгутин Касперович Новак был первым директором Верненской мужской гимназии с 1876 по 1891 годы и стал инспектором женской гимназии в 1879 году. Пользовался уважением преподавателей и учеников.

¹⁸ Николай Александрович Аристов (1847–1910) – известный востоковед и этнограф (См.: [Аристов 2001]). В 1864 году окончил Казанский университет на юридическом факультете. С 1864 года работал в Тобольском губернском правлении. В 1868 году был назначен в Семиреченское областное правление и участвовал в Кульджинском походе в 1871 году. С июня 1872 года работал делопроизводителем в составе комиссии по разработке проекта Положения об управлении Туркестанского генерал-губернаторства. В 1873–1874 годах руководил съездами биев по урегулированию земельных споров в Семипалатинской и Семиреченской областях. В 1881 году участвовал в работе редакционной комиссии по составлению нового Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством. 1 июня 1881 года был назначен помощником военного губернатора Семиреченской области. В 1889 году вышел в отставку.

¹⁹ Михаил Парфеньевич Шишмарёв (1849–?) – забайкальский казак по отцовской линии и бурят по материнской, учился в Иркутской гимназии, но полного курса не закончил. В 1870 году был старшиной кяхтинского купечества. В конце 1880-х годов, он был студентом при дипломатической миссии в Пекине в чине коллежского асессора. С 1889 по 1891 консул в Чугучаке. Его старший брат Яков Парфеньевич Шишмарёв (1833–1915) был известным дипломатом и служил генеральным консулом в Урге с 1864 до 1911 годы.

Из изложенного Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что по причинам совершенно от меня независимым, при удостоверенном со стороны Начальства в представленных раньше в Областное Правление свидетельствах за №№677, 1000, 423 и 8245 о добросовестном и расчётливом отношении моем к делу службы и особом благоволении ко мне со стороны областной администрации, выразившемся в назначении меня депутатом от киргиз рода «Найман» Семиреченской и Семипалатинской областей²⁰ на священное королевство ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ, я лишился восьми с половиною лет (т.е. с 20 декабря 1884 г. по 11 мая 1893 года), действительной службы только по какой то несчастной случайности в несвоевременном зачислении меня канцелярским служителем.

В подтверждение слов о моей служебной деятельности и особом доверии начальства считаю необходимым представить у сего, кроме перечисленных в сем пункте прощения документов ещё следующие: а) Письмо Г. Министра Внутренних дел от 1 августа 1897 года за №6665 с благодарностью за труды по первой всеобщей переписи населения и свидетельство за №6662 о пожаловании за те же труды темнобронзовой медали и б) Предложение г. Военного Губернатора Семиреченской области от 28 ноября 1896 года за №5626.

На основании ст. 136 устава о службе по определению от Правительства на испытание способностей лиц, подлежащих поступлению на государственную службу, назначается четыре месяца²¹, представленным мною, как сказано выше, в Областное Правление свидетельства и по следовавшее в 1893 году зачисление меня на службу канцелярским служителем, а затем определение на ныне занимаемую штатную должность переводчика при Семиреченском Областном Правлении дают мне право предполагать, что по способностям своим и добросовестному отношению к делу, я и ранее сего считался достойным состоять на государственной службе и только одно то обстоятельство что должности которых я занимал, были не штатными, препятствовало к осуществлению приобретенного мною окончанием четырех классов гимназии права, почему я и осмелился прибегнуть к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбою снизить к моему положению и возбудить, согласно ст. 137 указанного выше закона²², ходатайство испрошении Высочайшей Его Императорского Величества милости о зачислении мне в срок действительной службы времени, проведенного непрерывно в нештатных должностях переводчика при Канцелярии Начальника Сергиопольского уезда, в Верненской Военно-Судной Комиссии, при Семиреченском Областном Правлении и в Императорском Российском Консульстве в Чугучаке, т.е. с 20 декабря 1884 года по 11 мая 1893 года.

Прося милости о зачислении мне 8 ½ лет в действительную службу я главным образом имел в виду важность удовлетворения моей просьбы не столько в отношении получения чина, сколько ради пенсии. Последняя для меня является предметом горькой заботы, ибо я достиг преклонных лет, здоровье мое за последнее время совсем расшаталось, что видно из представляемого при этом, в копии, медицинского свидетельства от 26 апреля 1901 года, так что мне без зачисления указанного числа лет в действительную службу приходится разстаться с мыслью дослужить хотя бы до половинной пенсии, которая важна, конечно, не мне, а моей большой семье. Выслужить же пенсию я теряю надежду, ибо всего на действительной службе прослужил до сего дня 9 лет и таким образом мне до полной пенсии, если исчислять

²⁰ Линейджи рода найман расселялись на востоке сегодняшнего Казахстана: Усть-Каменогорский и Зайсанский уезды Семипалатинской области, Лепсинский (прежде Сергиопольский) и Копальский уезды Семиреченской области.

²¹ Статья 136: «Во всех тех случаях, когда по закону предоставлено начальствам право, до определения чиновников к местам, принимать их предварительно на испытание способностей, срок такого испытания отнюдь не должен продолжаться более четырех месяцев, которые, в случае утверждения в должности, зачисляются в действительную службу, со всеми правами и преимуществами, должностям присвоенными» [Устав о службе 1910: 50].

²² Статья 137: «Начальства лиц, принятых на испытание способностей и впоследствии определенных к местам, не делают сами никаких распоряжений о зачете в действительную службу времени, проведенного ими лицами на испытании свыше четырех месяцев, и только в случаях весьма уважительных может быть испрашиваемо Высочайшее на сей зчеть соизволение» [Устав о службе 1910: 50].

таковую по проекту положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях 1867 года, в 25 лет, придется служить еще 16 лет, тогда как я имею теперь от роду 41 год и уже лишился здоровья, которое потерял, состоя на службе; по закону же 13 июня 1886 года мне, как местному уроженцу, необходимо служить 35 лет.²³ В том же прошении я доложил Вашему Превосходительству о том, как тяжела бывает судьба семьи ничем совершенно не обеспеченной и остающейся после главы семьи без всяких средств к существованию, а положение главы семьи, обязанной по закону печись о благополучии и об участи членов семьи является положительно невыносимым и не вызывает речи о тяжести такового.

Сказанное мое прошение Вашим Превосходительством было благосклонно принято и по всесторонним рассмотрениям изложенных в нем доводов Ваше Превосходительство изволили признать мою просьбу заслуживающей уважения, почему соблаговолили сделать соответствующей представлению Господину Главному Начальнику Туркестанского края, от 23 марта сего года за №4298.

На последнее Канцелярия Начальника края, в копии при сем представляемом отношении за №4580, уведомила, что Его Высокопревосходительство не признал возможным об удовлетворении моего ходатайства входить с представлением только потому, что таковое представление может последовать в изъятие из закона.

Последнее обстоятельство твердо убеждает меня в том, что Его Высокопревосходительство, не решаясь сделать указанное представление только желал соблюсти требование закона, но ни чуть не предрешил вопрос о несостоятельности моего ходатайства.

Подобныя настоящему моему ходатайству возбуждаются и получают удовлетворение вне правил и в изъятие закона, а лишь в путях Монаршаго милосердия, наглядным примером чему может служить Высочайшее повеление Его Императорского Величества, последовавшее во 21 февраля 1891 года, припечатанное в представляемом у сего №3920 Правительственного Вестника о представлении Ивану Сподобину²⁴ за отлично усердное и добросовестное исполнение возложенных на него обязанностей, прав Государственной службы, с зачислением в оную времени занятий по вольному найму при Канцелярии Святейшаго Синода с 16 августа 1865 года (около 26 лет).

Не приглядное в будущем положение и тягостное существование моей большой семьи обязывают меня искать милости, а приведенный выше пример дает мне смелость еще раз обзавести Ваше Превосходительство усерднейшею просьбою: не признаете ли возможным усмотреть из выше доложенного и приложенных к прощению документов, свидетельствующих об отлично усердной и добросовестной моей службе, возбудить непосредственно пред Его Высокопревосходительством, Господином Военным Министром, ходатайство об испрощении Монаршей милости на зачет мне 8 ½ лет, т.е. с 20 декабря 1884 года по 11 мая 1893 года включительно, проведенной непрерывно в различных учреждениях Семиреченской области, вольнонаемной службы в государственную, с правами на пенсию и чинопроизводство.

Я глубоко убежден, что Его Высокопревосходительство, по присущему великодушию, снизойдет к моему незавидному положению и не откажет в покровительстве; Милости же Его

²³ Закон «Об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польскаго» 13 июня 1886 г.: «Из лиц, вызываемых или переводимых на службу в отдаленные края, особия преимущества не представляются уроженцам той местности куда они определяются. (...) Пенсия и единовременная пособия служащим в отдаленных краях, равно как семействам их, назначаются на основия Пенсионнаго Устава с сокращением пенсионных сроков, а в некоторых местностях — и с возвышением окладов пенсий для получающих оныя по Общему Пенсионному Уставу, на следующих основаниях: б) (...) в Туркестанском генерал-Губернаторстве — три дня службы считаются за четыре, а размер пенсии возвышается на два подразделения; с) (...) в Степном генерал-Губернаторстве, три дня службы считаются за четыре» [Полное собрание 1888: 347–357].

²⁴ Сведения об Иване Сподобине не найдены.

Императорского Величества Белаго Нашего Царя своим верноподанным и истым служакам могут быть неограниченны.

Испрашиваемая милость, если я буду признан достойным таковой, не только во мне одном, но и во всех моих родичах укрепит сознание в пользу и необходимости для нас туземцев обучения в русских учебных заведениях и веру в том, что полученный в заведениях этих диплом и для нас открывает путь к поступлению на действительную государственную службу.

Заканчивая сие мое прошение, почтительнейше приношу Вашему Превосходительству глубокое извинение за смелость беспокоить Вашу Особу, твердо надеюсь, что Ваше Превосходительство не откажете простить мне это и милостиво оказать покровительство.

Приложения: документы за №№ 5646, 6665, 68662, 5626, 1243, 2045, 1000, 423, 8245, 26, 726, 665, 603, справка, три телеграммы за №№ 3-903, 73-162, 52-903 и Правительственный Вестник за № 34.²⁵

Проситель не имеющий чина Турдыбек Сыртанов

(Подлинник. Машинопись. Подпись-автограф [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1804. Л. 26–28]).

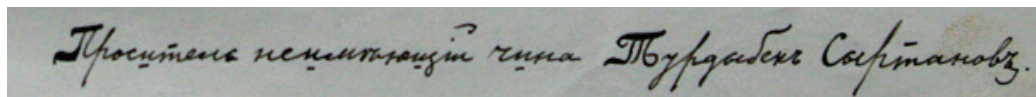

Fig. 1. Autograph of Turdybek Syrtanov [Central State Archive of the Republic of Qazaqstan, holding 44, register 1, file 1804, page 26–28]

1-сур. Тұрдыбек Сыртановтың қолтаңбасы [ҚР ОМА. 44-қ. 1-т. 1804-іс. 26–28-п.]

Рис. 1. Автограф Турдыбека Сыртанова [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1804. Л. 26–28]

Публикацию подготовил Гзавье Аллез, старший научный сотрудник Французского института исследований Центральной Азии

Библиография

- Абдрахим М. Колониальное образование и Семиреченской области как социальные практики Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник евразийского университета им. Л.Н. Гумилева. Серия «Исторические науки, философия и религиоведение». 2023. № 3 (144). С. 119–137.
- Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001
- Джабаев Дж. Избранные произведения. Алма-Ата: Жазушы, 1981.
- Жабаев Ж. Сырттанға // Жабаев Ж. Екі томдық шығармалар жинағы. 1 том. Алматы: Жазушы, 1982.
- Киреев Ф.Н. и др. (сост.). Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964.
- Кудайбергенов Э. Турысбек хаджи Маманов (Воспоминания, исторические справки, мнения, документы и статьи о его потомках. Алматы: Үш Қиян, 2004.
- Қойгелдиев М. Жетісудағы Ресей билігі (XIX ғ. – 1917 ж.). Астана: Елорда, 2004.
- Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или, киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996 (1832).
- Мұхатова О. Матай ру бірлестігінің тарихи тұлғалары // Қалыш А. (ред.). Қазақстан археологиясы мен этнологиясы: өткені, бүгіні және болашағы атты «VII Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. Алматы: Қазақ университеті, 2015. 207–210-б.
- Өзбекұлы С. Барлыбек Сыртанов. Алматы: Жеті жарғы, 1996.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том 6. Санкт-Петербург, 1888.

²⁵ Как часто бывает, приложенные к письму документы в деле отсутствуют.

- Свод законов Российской империи. Том третий. Санкт-Петербург: Типография второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857
- Семиреченские областные ведомости. №102 от 23.12.1903 г.
- Султангалиева Г.С. (ред.). Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов. Алматы: Қазақ университеті, 2014.
- Темиргалиев Р. Эпоха последних батыров. Алматы: Аспандау, 2009.
- Тынышбаев М. Таңдамалы. Избранное. Алматы: Арыс, 2001.
- Усейнова К. Институт барымты и его место в обычно-правовой системе казахов. Автореферат кандидатской диссертации. Алматы, 2007.
- Устав о службе по определению от Правительства. Санкт-Петербург: Издание юридического книжного склада «Право», 1910.
- Abdrakhim M. Kazakh translators of the Semirechensk oblast' // *Bulletin of the Karaganda University. History, Philosophy series*. 2020. № 1 (97). P. 19–30.
- Campbell I. *Knowledge and the ends of Empire: Kazak intermediaries and Russian rule on the steppe, 1731–1917*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2017.
- Hallez X. Du statut d'alloge'ne à celui de citoyen soviétique: La route des Kazakhs vers une autonomie politique 1905–1920 // *Poujol C. (dir.). Le Kazakhstan en mutation: les steppes kazakhes entre colonisation et soviétisation (1800–1920)*. Cahiers d'Asie centrale. 2014. № 23. P. 275–342.
- Hallez X. Le ralliement des Kazakhs au pouvoir soviétique (1917–1920): convictions politiques, système tribal et contexte russe // *Cahiers du monde russe*. 2015. № 56 (4). P. 705–752.
- Hallez X. Pratiques et structures politiques kazakhes sous la colonisation tsariste: fait tribal et fait religieux dans la région du Semiretche (Turkestan, 1868–1917) // *Archives de sciences sociales des religions*. 2022. № 199. P. 21–44.
- Hallez X., Ohayon I. Making political rebellion «primitive»: the 1916 rebellion in the Kazakh steppe in long-term perspective (ca. 1840–1930) // *Chokobaeva A., Drieu C., Morrison A. (eds.). The Central Asian Revolt of 1916. A collapsing Empire in the age of War and Revolution*. Manchester: Manchester University Press, 2019. P. 256–288.
- Martin V. Barimta: Nomadic custom, imperial crime // *Brower D., Lazzarini E. (ed.). Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 249–270.
- Scott J. *Domination and the arts of resistance: hidden transcripts*. New Haven; London: Yale University Press, 1990.

References

- Abdrakhim, M. 2020. Kazakh translators of the Semirechensk oblast'. In: *Bulletin of the Karaganda University. History, Philosophy series*, 1 (97), 19–30.
- Abdrakhim, M. 2023. Kolonial'noe obrazovanie v Semirechenskoj oblasti kak sotsial'nye praktiki Rossijskoj Imperii (vtoraja polovina XX – nachala XX vv.) [Colonial education and the Semirechensk region as social practices of the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries)]. In: *Vestnik evrazijskogo universiteta im. L.M. Gumileva. Serija Istoricheskie nauki, filosofija i religiovedenie [Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series]*, 3 (144), 119–137.
- Aristov, N.A. 2001. *Usuni i kyrgyzy ili kara-kyrgyzy: ocherki istorii i byta naselenija zapadnogo Tjan'-Shanja i issledovanija po ego istoricheskoj geografii [Usuns and Kyrgyz or Kara-Kyrgyz: essays on the history and life of the population of the western Tien Shan and studies on its historical geography]*. Bishkek: Ilim (in Russian).
- Campbell, I. 2017. *Knowledge and the ends of Empire: Kazak intermediaries and Russian rule on the steppe, 1731–1917*. Ithaca; London: Cornell University Press (in English).
- Hallez, X. 2014. Du statut d'alloge'ne à celui de citoyen soviétique: La route des Kazakhs vers une autonomie politique 1905–1920. In : *Poujol C. (dir.). Le Kazakhstan en mutation: les steppes kazakhes entre colonisation et soviétisation (1800–1920)*. *Cahiers d'Asie centrale*, 23, 275–342 (in French).
- Hallez, X. 2015. Le ralliement des Kazakhs au pouvoir soviétique (1917–1920): convictions politiques, système tribal et contexte russe. In : *Cahiers du monde russe*, 56 (4), 705–752 (in French).

- Hallez, X. 2022. Pratiques et structures politiques kazakhes sous la colonisation tsariste: fait tribal et fait religieux dans la région du Semiretche (Turkestan, 1868–1917). In : *Archives de sciences sociales des religions*, 199, 21–44 (in French).
- Hallez, X., Ohayon, I. 2019. Making political rebellion «primitive»: the 1916 rebellion in the Kazakh steppe in long-term perspective (ca. 1840–1930). In: Chokobaeva A., Drieu C., Morrison A. (eds.). *The Central Asian Revolt of 1916. A collapsing Empire in the age of War and Revolution*. Manchester: Manchester University Press, 256–288 (in English).
- Jabaeв, J. 1981. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Alma-Ata: Zhazushy (in Russian).
- Kireev, F.N., et al. (ed.). 1964. *Kazahsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vekah (1771–1867 gody). Sbornik dokumentov i materialov* [Qazaq-Russian relations in the 18th–19th centuries (1771–1867). Collection of documents and materials]. Alma-Ata: Publishing house «Nauka».
- Kudaibergenov, E. 2004. *Turysbek hadzhi Mamanov. Vospominaniya, istoricheskie spravki, mneniya, dokumenty i stat'i o ego potomkah* [Turysbek Hadji Mamanov. Memories, historical references, opinions, documents and articles about his descendants]. Almaty: Ush Qiyan (in Russian).
- Levshin, A.I. 1996 (1832). *Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili, kirgiz-kajsackih ord i stepej* [Description of the Kirgiz-Cossack, or Kirgiz-Kaisak hordes and steppes]. Almaty: Sanat.
- Martin, V. 1997. Barımta: Nomadic custom, imperial crime. In: Brower D., Lazzarini E. (ed.). *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. Bloomington: Indiana University Press, 249–270 (in English).
- Mukhatova, O. 2015. Mataj ru birlestiginin tarihi tulgalary [Historical figures of the clan association Matai]. In: Qalysh A. (ed.). *Qazaqstan arheologiyasy men jetnologiyasy: otkeni, bugini zhane bolashagy atty «VII Orazbaev oqulary» halyqaralyq gylymi-tazhiribelik konferenciya materialdary* [Archeology and Ethnology of Qazaqstan: Past, Present and Future Proceedings of the International Scientific and Practical Conference «VII Orazbayev Readings»]. Almaty: Qazaq University, 207–210 (in Qazaq).
- Ozbekuly, S. 1996. Barlybek Syrtanov. Almaty: Zhetai zhargy (in Qazaq).
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. 1888. Third meeting. St. Petersburg (in Russian).
- Qoygeldiev, M. 2004. *Zhetisudagy Resej biligi (XIX gasyr – 1917 zhyl)* [Russian rule in Zhetysay (XIX century – 1917)]. Astana: Elorda (in Qazaq).
- Scott, J. 1990. *Domination and the arts of resistance: hidden transcripts*. New Haven; London: Yale University Press (in English).
- Semirechensky oblastnye vedomosti* [Semirechye Regional Newspaper] 1903, 102, December 23 (in Russian).
- Sultangaliyeva, G.S. (ed.). 2014. *Kazahskie chinovniki na sluzhbe Rossijskoj imperii: sbornik dokumentov i materialov* [Qazaq officials in the service of the Russian Empire: collection of documents and materials]. Almaty: Qazaq University (in Russian).
- Svod zakonov Rossijskoj imperii* [Code of laws of the Russian Empire]. 1857. Volume three. St. Petersburg: Printing house of the second branch of His Imperial Majesty's own chancellery.
- Temirgaliev, R. 2009. *Jepoha poslednih batyrov* [Epoch of the last hero]. Almaty: Aspandau (in Russian).
- Tynysbbaev, M. 2001. *Tandamaly. Izbrannoe* [Selected]. Almaty: Arys (in Russian, in Qazaq).
- Useynova, K. 2007. *Institut barymty i ego mesto v obychno-pravovoj sisteme kazahov* [The Barymta Institute and its place in the Qazaq customary law system]. Abstract of the candidate's dissertation. Almaty (in Russian).
- Ustav o sluzhbe po opredeleniju ot Pravitel'stva* [Charter on service as determined by the Government]. 1910. St. Petersburg: Publication of the legal book warehouse «Pravo».
- Zhabaev, Zh. 1982. Syrttanga [to Syrtan]. In: Zhabaev Zh. *Eki tomdyq shygarmalar zhinagy* [A collection of works in two volumes]. First volume. Almaty: Zhazushy (in Qazaq).

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 20.02.2023

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами: 20.04.2023

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 01.06.2023

